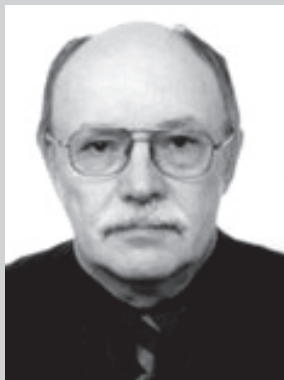


С.А. Нефедов

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИЙ



Нефедов
Сергей
Александрович

доктор исторических
наук, ведущий научный
сотрудник Института
истории и археологии
УрО РАН

Когда Ричард Ченслор в 1553 году открыл морской путь в Россию, он не задумывался о том, какое влияние это окажет на судьбы людей. «Открытие России... может показаться подвигом почти героическим, – напишет позднее Мильтон, – если бы это предприятие было внушено более высокими побуждениями, чем чрезмерная любовь к корысти и торговле»¹. Эти слова Мильтона можно было бы сделать эпиграфом к нашей статье – речь пойдет о том, как контакт цивилизаций приводит к идеологическому конфликту.

Главной торговой державой того времени была Голландия. Посредническая торговля – это был совершенно особый вид торговли, схожий с торговой интервенцией: голландцы обладали огромными капиталами и средствами давления на правительства – ведь они имели европейское оружие и господствовали на море. Им было все равно, с кем торговать и чем торговать; они продавали французам оружие в то время, когда Голландия воевала с Францией. Их родина – это был весь мир; они изучали чужие языки и устраивались на жительство там, где вели дела. Посредническая торговля сформировала менталитет голландских купцов: «В делах голландцев господствует чудовищная, неопишная жадность и алчность, – писал венецианский посол, – и это покоится на догме и учении Кальвина»². В соответствии с этим учени-

ем, алчность была не пороком, а достоинством, и успех в делах был признаком «богоизбранности», признаком того, что удачливому дельцу обеспечено спасение души и место в раю. Достижения в торговле, таким образом, позволяли голландцам утверждать, что они являются единственными носителями всех добродетелей, свойственных западному миру³.

Формула о стяжании как средстве спасения души была новой для христианского мира; она была принесена Реформацией, опрокинувшей многие основы христианской этики. Хорошо известно, что раннее христианство отвергало идею наживы. «Всякое богатство, – восклицает Иероним, – происходит от нечестия... Посему, мне кажется, весьма правильно говорят в народе «богач – либо бесчестный человек, либо наследник бесчестного»⁴. Восходившая к раннему христианству мораль католиков и православных осуждала стяжание; в 1187 году III Латеранский собор объявил, что ростовщичество осуждено Святым Писанием, и отлучил ростовщиков от церкви, отказав им в христианском захоронении и в праве приносить пожертвования⁵.

Протестантизм принес с собой революцию в сфере морально-этических норм – революцию, ярко освященную в «Протестантской этике» Макса Вебера. Отныне человек существует для приобретательства, которое является целью его жизни, писал М. Вебер. Это было то новое, чего не мог понять венецианский посол, упрекавший голландцев в непомерной алчности. Это было то, чему удивлялись православные русские люди, наблюдая за кипучей деятельностью голландцев.

Голландская торговая интервенция в России началась сразу после Смуты, когда открылись для торговли пути в глубь страны. В 1618 году в Архангельск пришло 30 голландских кораблей, а в 1630 – около 100 судов. «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан выгоды... – свидетельствует Коллинс. – Голландцы

налетают как саранча, и всюду бросаются, куда манят их выгоды. В России их принимают лучше, чем англичан, потому что они подносят подарки боярам и, таким образом, приобретают их покровительство»⁶.

Знаменитые голландские предприниматели, Виниус, Марселлис, Акема пользовались большим почетом у царя. «Деловой расчет легко разрастался у них до эгоистического меркантилизма, в особенности когда дело касалось русских, как лиц чуждых для них, — писал Д. Цветаев. — Ведь даже люди их собственной среды, одинаковые по привычкам и положению, терпели часто в неминуемой взаимной борьбе»⁷. Что думало по поводу голландского вторжения большинство населения? Если нападение саранчи на Москву вызывало недовольство у *англичан*, то, естественно, что оно вызывало яростный протест русских купцов. Купцы и посадские люди жаловались на свое «конечное разорение» и все настойчивее просили закрыть внутренние районы для иноземной торговли⁸.

«Конечное разорение» привело к тому, что на Руси крепко невзлюбили «галанских», «аглицких», «амбурских» и других «немцев» (в то время всех иностранцев называли «немцами»). Появление иноземцев на улицах сопровождалось недружелюбными возгласами: «Кыш на Кокуй, поганые!», а мальчишки были не прочь запустить им вдогонку камень. «Их громко обзывают глупейшей бранью, «шишами», — свидетельствует Рейтенфельс, — ведь право, этим шипением («кыш!» — С. Н.) обычно пугают птичек»⁹. По утверждению Олеария, от названия слободы Кокуй возле Москвы, где проживало много немцев, происходит самое грязное русское ругательство: «Пошел на...!»¹⁰ Поджоги домов в Кокуе и нападения на «немцев» были нередким явлением. Помимо непомерной алчности им вменяли в вину «скобление рыла», то есть бритье бород, и курение «богомерзкой травы», табака¹¹.

Как голландская, так и русская культура имели в своей основе религиозную традицию, в одном случае это было учение Кальвина с его идеалом стяжания, в другом — православие с его восходящими к раннему христианству идеалами любви и братства. Православные идеалы были сильны своей близостью изначальному строю жизни русской крестьянской общины. Символом тогдашней

крестьянской жизни были традиционные праздники, Пасха и Троица, когда все село собиралось на пир-братание, «братчину»: возле церкви ставили столы, выносили иконы и, помолившись, приступали к пиршеству. На братчинах царила христианская атмосфера любви и братства, здесь мирили поссорившихся и творили общинный суд; всем миром выбирали старосту и сотского. Община следила, чтобы все было по справедливости, и помогала нуждающимся: существовал древний обычай «помочи», когда весь «мир» строил дом погорельцу или убирал поле заболевшего крестьянина¹². Другим символом тогдашней русской жизни был монастырь — это была другая община, существовавшая рядом с крестьянской. Если крестьянская община вела свое начало с дохристианских времен и допускала кое-какие отступления от строгих требований Иисуса (в том числе и частную собственность), то русская монашеская община была устроена прямо по заветам Христа. По-гречески монастырь назывался «киновий», а по латыни «*коммуна*»: русские монахи жили как первые христиане, «коммунами». Монахи работали в поле, питались за одним столом, «чем бог пошлет», приглашали за этот стол всех странников, давали приют старикам и больным, а в годы неурожая безвозмездно раздавали крестьянам хлеб. Но не только монахи — все русские, в городах и деревнях, считали долгом помогать беднякам. «Они отличаются беспримерной благотворительностью по отношению к бедным, — свидетельствует Рейтенфельс, — для их просьб у них всегда открыты уши и разжаты руки». Другой народной чертой, вызывавшей удивление иностранцев, было знаменитое русское хлебосольство, желание накормить и напоить гостя «до упаду». «Они думают, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись предварительно и не напившись за одним столом», — писал Рейтенфельс¹³.

Иностранцы, посещавшие Русь в XVI-XVII веках отмечали исключительную набожность русских. В городах на каждые пять домов приходилось по церкви; бесчисленные купола и колокольный перезвон создавали непередаваемую атмосферу православного царства, «Святой Руси». В соответствии с православной традицией «Святая Русь» воспринималась как единая община, связанная узами любви и взаимопомощи.

Главой этой общины был царь, символ правды и справедливости. *«Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве»*, – таково было главное напутствие царю в старинном чине венчания¹⁴. Православные видели в царе своего защитника и опору, всякий мог обратиться к царю с челобитьем, и судьям давался строгий наказ быть внимательным к жалобщикам: «А каков жалобник к боярину придет и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа...»¹⁵. При всем своем могуществе царь выступал как слуга Бога: в Вербное воскресенье он шел в торжественной процессии, ведя на поводу ослика, на котором Иисус въезжал в Иерусалим (Христа изображал патриарх, а новым Иерусалимом была Москва). Святой обязанностью царя было молиться за Русь и совершать паломничества по монастырям; Иван IV однажды прошел босым 38 верст от Москвы до Свято-Сергиева монастыря¹⁶. Алексей Михайлович стоял на всеношных по шесть часов и отбивал по тысяче поклонов; он держал во дворце, как в богадельне, убогих стариков и нищих. Перед Пасхой царь обходил тюрьмы, разговаривал с колодниками, миловал тех, кто искупил вину и платил за тех, кто сидел за долги – если они задолжали не из корысти. Коллинс свидетельствует, что царь тратил на выкуп должников очень большие деньги¹⁷, а Олеарий утверждает, что в Московии существовала *государственная система помощи нуждающимся крестьянам*. «Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая или по другим случайностям и несчастьям, – говорит Олеарий, – то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству»¹⁸.

Православная традиция любви и взаимопомощи, общинный строй жизни, отеческое отношение царя к подданным и обычай советоваться с ними на соборах – все это позднее стало именоваться русской *«соборностью»*. В трудах славянофилов «соборность» стала воплощением «русской идеи», тем, что отличало «Святую Русь» от «корыстного и растленного Запада». Русь была единственной страной, сохранившей истинную веру, православие; она была окружена врагами Бога,

«еретиками», «латинянами» и «магометанами». Вековая борьба под знаменем веры позволяла русским – подобно древним евреям – считать себя народом, избранным Богом. Иван Грозный постоянно ссылался на «Книгу царств» и представлял себя библейским царем, ведущим избранный народ на борьбу с «ханаанянами» и «филистимлянами». Своеобразным символом отношения Руси к окружающим народам были обычаи, когда царь подавал послу руку для поцелуя, а потом омывал ее в чаше¹⁹.

Православие предписывало определенные правила поведения в обыденной жизни. «Вся домашняя жизнь велась по полумонашеским правилам «Домостроя»», – отмечает Дж. Биллингтон²⁰. Царские указы напоминали православным, что в воскресные дни и праздники они должны приходить в церковь и смиренно слушать проповедь. Запрещается соблюдать старые языческие обычаи: «Скоморохов и ворожей в дома к себе не призывать, медведей не водить, на браках песен бесовских не петь и никаких срамных слов не говорить, личин на себя не одевать, кобылок бесовских не наряжать»²¹. Не поощрялись занесенные «латинянами» или «магометанами» «новые веяния»: игры в карты, зернь, шахматы, игра на музыкальных инструментах. Особо тяжким преступлением считалось курение табака – курильщикам безжалостно резали носы. «Сребролюбие» так же было на Руси не в почете. «Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и *все их имущество принадлежат Богу и царю*, – свидетельствует Рейтенфельс, – и прячут все, что есть у них дорогого, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидев, не позавидовали бы...»²²

Несхожесть православных и протестантских традиций проявлялась буквально на каждом шагу. К примеру, русским запрещалось работать по воскресеньям, голландцы же часто работали в святой день (и во все дни, когда требуют дела); они сравнительно редко посещали церковь, а их моленные дома с голыми стенами и короткой незатейливой службой выглядели оскорблением Бога, прибежищем ереси. У протестантов не было в обычае любить ближнего своего и давать подавание – поэтому они воспринимались на Руси как жадные бездушные «еретики». Если «еретик» входил в русскую церковь, то она считалась оскверненной; нужно было очистить ее от «скверны»: вымыть

полы и освятить особым обрядом – «еретику» же могло сильно nepoздopовиться, его могли даже убить. «Нечистые» протестанты ни в коем случае не должны были держать в своих домах русские иконы. Еще в 1628 году было запрещено русским наниматься на службу к «еретикам» – чтобы «не повредили душу». Торговые сделки должны были совершаться в лавках, нельзя было заходить в дома к «еретикам» и дружить с ними. Священникам было категорически запрещено разговаривать с иноземцами. Неприятие иностранцев объяснялось не только торговыми интересами, это был конфликт людей, принадлежащих к разным культурам, имеющим разный менталитет и разную психологию. Российская модернизация с самого начала несла в себе заряд этого идеологического конфликта – конфликта, который ярко проявился в 1917 году, и по-прежнему проявляется в наше время.

1. Цит. по: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII - первая половина XVIII века. М., 1976. С. 196.
2. Цит. по: Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI-XVIII веках. М., 1949. С. 35.
3. Там же. С. 36, 306.
4. Jerfme, Saint. Oeuvres. Paris, 1838. С. 79.
5. Кудрявцев О. Ф. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья // Куль-

тура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 76-86.

6. Коллинс С. Нынешнее состояние России// Утверждение династии. М., 1997. С. 226.
7. Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 338.
8. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. М.- Л., 1948. С. 14.
9. Рейтенфельс Я. Сказание о Московии// Утверждение династии. М., 1997. С. 348.
10. Олеарий А. Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 371.
11. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. СПб, 1996. С. 153; Уланов В. Я. Западное влияние в Русском государстве//Три века. Т. II. М., 1991. С. 48-50.
12. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. С. 142-143. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 361-362.
13. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 346, 349.
14. ПСРЛ. Т. 12. С. 248.
15. Цит. по: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 282.
16. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 138; Биллингтон Дж. Икона и топор. М., 2001. С. 99.
17. Коллинс С. Указ соч. С. 225.
18. Олеарий А. Указ соч. С. 356.
19. Георгиева Т. С. Христианство и русская культура. М., 2001. С. 35-36; Биллингтон Дж. Указ. соч. С. 106.
20. Биллингтон Дж. Указ. соч. С. 100.
21. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб, 1842. С. 125-126.
22. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 100.

А.Н. Трифонов

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

**Трифонов
Александр
Николаевич**

кандидат исторических
наук, доцент ИМС

В годы Великой Отечественной войны принципы функционирования системы остались те же, но были внесены значительные изменения, появились новые черты, еще в большей степени проявилось отношение к человеку как к «винтику».

Историк Н.П. Палецких справедливо замечает: «Несмотря на отсутствие оформленной, специальной программы в условиях войны, процессы того времени подвергались непосредственному планированию и практическому регулированию. Социальная политика обладала внутренней логикой, адекватно отражавшей общественные подорожности в обстановке войны, и являлась одним из базовых механизмов управления советским обществом».

С началом войны, в силу многих обстоятельств, резко обострилась проблема рабочих рук, что

Социальная политика¹ Советского государства сформировалась до войны, была составной частью мобилизационного общества, которое находилось в состоянии постоянной угрозы нападения.